

Т. Бровкина
Санкт-Петербург

**Казак Арефа Гламазда – слуга в доме Анненских
и служитель Николаевской гимназии**

Арефа Фёдорович Гламазда (1868–после 1921) слуга, привезенный директором Императорской Николаевской Царскосельской гимназии И. Ф. Анненским с Украины, пробывший в доме Анненских почти 25 лет.

Арефа Гламазда – православный, казак, уроженец деревни Козары Козелецкой волости и уезда Черниговской губернии.¹ С 1892 по 1893 годы он состоял на службе при приёмной и кабинете директора (тогда Анненского) в Коллегии Павла Галагана в Киеве. Затем еще три года в С.-Петербургской 8-ой гимназии. В 1896 году он переезжает с семьёй Анненского в Царское Село и служит уже в приёмной директора Императорской Николаевской Царскосельской гимназии.² Здесь у него завязались дружеские взаимоотношения с другими служащими гимназии. 27 апреля 1898 года в Рождественской (домовой) церкви Николаевской гимназии³ он стал крестным сына служащего гимназии Антония Адодина, и через два года там же он крестил дочь Адодина Софию.⁴

В Рождественском гимназическом храме произошли и самые значительные события в жизни самого Арефы: здесь он венчался, крестил своих детей и присутствовал на отпевании своего глубоко почитаемого и любимого Иннокентия Фёдоровича. Первое из этих событий произошло 12 октября 1901 года, когда 33-летний Арефа обвенчался с православной петербургской мещанкой Татьяной Ивановной, 21-го года от роду, оба первым браком. Таинство венчания совершил гимназический батюшка протоиерей А. В. Рождественский.⁵ Свидетелями со стороны жениха стали сын Анненского Валентин и студент Борис Оскарович Мейер (бывший одноклассник Валентина); со стороны невесты – гимназический преподаватель рисования А. Н. Курбатов⁶ и московский мещанин А. Т. Оверов (?).⁷

Своих детей (нам известно о трех) Арефа называет по именам членов семьи Анненского, выбирая их же крестными родителями: 1 сентября 1902 года у супругов родился первенец, дочь, которую окрестили Надеждой (в честь Дины Валентиновны). Крестили девочку 20 сентября, а крестными стали супруга Иннокентия Федоровича Надежда Валентиновна Анненская и её сын Валентин.⁸ 15 февраля родился и 6 марта 1904 года был крещён сын Арефы Валентин Арефович Гламазда, названный в честь сына Анненского. Восприемниками при крещении снова стали Валентин и Дина Валентиновна.⁹ 10 апреля родился и 24 апреля 1906 года (уже после ухода Анненского из гимназии) был крещен второй сын Арефы – Иннокентий Арефович Гламазда. Его нарекли в честь Иннокентия Фёдоровича, а восприемниками стали сам Анненский и Наталия Владимировна Анненская (урожд. Штейн, первая супруга Валентина).¹⁰

В 1904 году Анненский подает попечителю Учебного округа сведения о наградах Арефы. В ведомости отмечена только серебряная медаль «За усердие» для ношения на груди на Станиславской ленте, полученная Арефой «за полезную деятельность по учреждениям Министерства Народного Просвещения» 6 декабря 1898 года.¹¹ В представлении Анненский характеризует Арефу: «Всегда состоял при приёмной Директора. Своим безупречным и весьма доброжелательным отношением к исполнению своих обязанностей и вежливым обхождением с родителями, учителями и прочими посетителями означенных учебных заведений, он обратил на себя внимание начальства и вполне заслужил особого отношения и награды». Представление было написано к такой же, как у Арефы серебряной медали «За усердие», но на Анненской ленте.

Впрочем, свои главные обязанности Арефа исполнял не в гимназии, а в семье Анненского, прослужив ему верой и правдой более 20 лет. Певица М. Н. Остроумова (жена гимназического учителя географии И. П. Остроумова¹²) писала в воспоминаниях «Петербургские эпизоды и встречи конца XIX и начала XX века»: «Типичная сухая, изысканная фигура поэта-критика И. Ф. Анненского, точно сорвавшаяся со старинной английской гравюры, – и сейчас стоит перед моими глазами. Эстет до мозга костей, он любил красивую позу и в личной жизни. За столом ему всегда прислуживал в блестящей ливрее и в белых перчатках слуга Арефа, он же докладывал о посетителях

и подавал ему письма и литературу на серебряном подносе <...> Не многие знали, что под шикарной ливреей с золотыми позументами Арефа был просто преданный “слуга за всё” (как выражались в Одессе). Не уклонялся ни от какой работы для семьи Анненских, к которым он был сильно привязан. Да и не мудрено... <...> В торжественные кануны больших праздников слуги приобщены были к большому семейному столу – такое отношение в те времена являлось редким». ¹³

Воспоминания Т. А. Богданович, племянницы Анненского, об Арефе: «Не нравилось мне и то, что на стол у них подавал лакей в белых перчатках, хотя я очень скоро убедилась, что этот лакей – Арефа – был очень простой и славный украинский парень, вывезенный ими из Киева. Лакейство, несмотря на все старания Дины Валентиновны, к нему совершенно не прививалось. Единственное, что было у него от лакея, это белые нитяные перчатки за обедом. В остальном он сохранил и своеобразный русско-украинский язык, и непосредственность обращения деревенского парня.

Из всей семьи до некоторой степени усваивал тон хозяйки только младший сын, Валя, и то больше по присущей ему лени. Сидя за обедом, он вдруг заявлял:

– Арефа, налей мне воды.

Меня это возмущало.

– Валя, – вмешивалась я. – Как тебе не стыдно. Ведь графин перед тобой. Неужели ты не можешь сам налить.

Но Дина Валентиновна сейчас же обрывала меня:

– Оставь, пожалуйста, Таня. Арефа здесь именно для того, чтобы нам прислуживать.

Дядя Кеня отпускал какую-нибудь шутку. Остальные смеялись, и инцидент был исчерпан. Вне обеда никто не обращался с Арефой как с лакеем, и сам он чувствовал себя как в родной семье, прожил там несколько десятков лет, женился, народил кучу детей, которые все жили и воспитывались тут же, и ушел только тогда, когда умерли и Иннокентий Федорович, и Дина Валентиновна...». ¹⁴

Её же воспоминания: «У него был так называемый “лакей” Арефа, о котором я уже упоминала. За долгие годы Иннокентий Федорович привык и даже привязался к нему, хотя был человек сдержанный и суховатый, абсолютно лишенный сентиментальности. Я очень хорошо относилась к этому Арефе, зная его с детства, но мне казалось

смешным и диким, чтоб взрослый здоровый человек всюду возил с собой “лакея”. Поэтому я просила Иннокентия Федоровича приезжать ко мне без Арефы. Я не учитывала, что нарушение многолетней привычки, как бы она сама по себе ни была неважна, может расстроить человека, лишит его привычной душевной атмосферы. Тем не менее, Иннокентий Федорович без возражений исполнил мою просьбу, и я никогда не замечала, чтобы это портило его настроение...».¹⁵

Выпускник Николаевской гимназии 1907 года и сын её врача Н. М. Пунина Николай Пунин вспоминал: «В Ц^{арском} С^{еле} много говорили об Арефе, так что у меня тогда сложилось впечатление, что Арефа главное и при этом несколько комическое лицо в семье Ан^{ненски}х».¹⁶ Добавляя, при этом: «Время от времени мы видели <...> директора в гимназических коридорах; он появлялся там редко и всегда необычайно торжественно. Отворялась большая белая дверь в конце коридора первого этажа, где помещались старшие классы, и оттуда сперва выходил лакей Арефа, распахивая дверь, а за ним Анненский...».¹⁷

Иннокентий Фёдорович посвятил Арефе своё стихотворение «Будильник».

Об Арефе оставил воспоминания и сын Анненского Валентин: «Сегодня за столом отец не занимался, и там порядок, сделанный рукой Арефы <...> самостоятельно отец лекарств никогда не принимал, а давали ему их или мать, или Арефа...». Упоминает его Валентин и в воспоминаниях о смерти отца: «Расположившись со всеми материалами “Ларца” в столовой, я весь ушел в эту интересную и милую для меня работу, решив во что бы то ни стало закончить все сегодня же, к возвращению отца с последним поездом из Петербурга. Наверху, где была расположена главная часть нашей квартиры, полная тишина. И вдруг – какие-то нелепые, скачущие шаги из нижнего этажа по внутренней деревянной лестнице, какие-то крики в людских, и через секунду передо мной наш Арефа, а за ним кухарка Паша, – кричащие:

– Барин помер! Ай-ай-ай, барин помер...

Оба они совершенно растерялись. Паша плачет в голос, а Арефа бессмысленно машет руками, бегает из угла в угол и визгливо выкрикивает:

– Ах, что же это будет... Ах, что же это будет...

Буквально схватываю их обоих – одного за плечо, другого за шиворот, чтобы добиться какого-нибудь толка, трясу их, кричу

на них – и, наконец, узнаю, что сейчас к нам прибежал кто-то из служителей гимназии, куда дали знать о внезапной смерти отца на вокзале и о том, что тело его находится в Обух<овской> больнице, по телефону из Петербурга...

Он, этот человек строгой выдержки и всегда непоколебимого спокойствия – неузнаваем. Он и вбежавшая за ним наша старая кухарка, – оба “свои”, близкие, привычные, многолетние домочадцы семьи – теперь вдруг совсем чужие, новые. Они бестолково, как слепые, мечутся по комнате и оба нелепо трясут поднятыми кистями рук. В дверях плачущее лицо горничной.

Час тупой, вязкой, обидной суеты, – и с ближайшим поездом мы едем в Петербург: мать, брат с женой, я с женой и Арефа...».¹⁸

Отпевали Анненского 4 декабря 1909 года в том же гимназическом храме,¹⁹ но батюшкой в ней служил уже о. А. И. Дмитриев.²⁰ Вскоре покинул семью Анненских и Арефа – Дине Валентиновне пришлось жить на пенсию вдовы, а самому Арефе подошло время отдавать детей учиться. Арефа вернулся в Николаевскую гимназию, где, в 1915 году²¹ он упоминается в списках её служителей.²² Возможно, и ранее, так как он не единожды упомянут в начале 1910-х годов в метриках гимназической церкви, как крестный детей служащих гимназии.²³

Остается Арефа в гимназии и после революционных событий 1917 года, более того, в I Единую трудовую Детскосельскую школу, в которую в 1918 году была реорганизована Николаевская гимназия, устраивается на работу судомойкой и его супруга Татьяна Ивановна – времена голодные, да и девиз новой власти: “кто не работает, тот не ест”.²⁴ У Арефы новые должности (служитель, вахтер, швейцар), при этом он среди персонала школы «за старшего», возглавляя все «требовательные ведомости» на зарплату.²⁵ В 1920 году зарплата директора школы была 5115 рублей в месяц, а у «служителя и вахтера» А. Гламазда – 2550 рублей. Главной же обязанностью Арефы в это время стали поездки в Петроград за продуктами для школьной столовой, в Детском Селе их было не достать категорически, продукты возили в мешках на поезде из столицы, причем, вместе со служащими и учителями, этим приходилось заниматься и старшеклассникам. Только в декабре 1919 года Арефе пришлось съездить в город 7 раз.²⁶

Судьба Арефы и его семьи после 1921 года нам не открылась, но предполагаем, что его дети были выпускниками I Единой трудовой

Детскосельской школы, старшей из которых, Надежде, в 1920 году исполнилось 18 лет.

¹ ЦГИА СПб, ф.19, оп. 127, д. 3333, л. 13. 1901–1916. Метрическая выпись.

² ЦГИА СПб, ф.139, оп. 1, д. 10013, л. 166 об. Наградная ведомость на служащих Императорской Николаевской Царскосельской гимназии.

³ Во 2-м этаже Николаевской гимназии находится церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Проект архитектора И. А. Монигетти, 1859 г., строил А. Ф. Видов. Освящена в 1872 г.

⁴ ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 127, д. 1044, л. 162. 1900 г. Запись о крещении.

⁵ Рождественский Александр Васильевич (1850–1913) – протоиерей, настоятель Рождественской церкви Николаевской гимназии, там же преподаватель Законоведения. (1878–1906).

⁶ Курбатов Антон Николаевич (1865–около 1918) – дворянин, художник, учитель рисования и чистописания в Николаевской гимназии (1898–1902), автор одного из портретов Анненского.

⁷ ЦГИА СПб, ф.19, оп. 127, д. 3333, л. 13. 1901. Запись о венчании.

⁸ Там же, л. 19. 1902. Запись о крещении.

⁹ Там же, л. 51. 1904. Запись о крещении.

¹⁰ Там же, л. 76. 1906. Запись о крещении.

¹¹ ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 10013, л. 166–167 об. Наградная ведомость.

¹² Остроумов Иосиф Петрович (1876–1943) – дворянин, родной брат выдающегося художника-графика А. П. Остроумовой-Лебедевой, учитель естествознания.

¹³ Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях / Публ. А. В. Ларова, Р. Д. Тименчика // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1981. Л., 1983. С. 134.

¹⁴ Там же. С. 81.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 134.

¹⁷ Н. Пунин ошибается – старшие классы при Анненском (после надстройки гимназии 3-м этажом в 1890-х гг.) располагались на втором этаже, именно там была дверь в жилую половину директорской квартиры, которая была 2-х этажной.

¹⁸ Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях. С. 94.

¹⁹ ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 1, д. 3333, л. 122. Запись об отпевании № 1 от 04. 01. 1909.

²⁰ Дмитриев Анатолий Иоанович (1878 – после 1917) – батюшка гимназической церкви и преподаватель Закона Божьего в Николаевской гимназии с 1906 по 1917 гг.

²¹ Т. А. Богданович в своих воспоминаниях ошибочно указывает, что Арефа покинул дом Анненских после смерти Н. В. Анненской в 1917 г. (См.: Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях. С. 81).

²² ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 15034, л. 53. 1915–1916. Список служащих на получение суточных.

²³ Низшие служащие, прислуга в переписке гимназии с Округом упоминаются крайне редко.

²⁴ ЦГА СПб, ф. Р-7584, оп. 5, д. 28, л. 2. 1920. Список служащих школы на 1920 г.

²⁵ Там же, л. 51. Требовательная ведомость на зарплату за 2 половину января 1920 г.

²⁶ ЦГА СПб, ф. Р-7584, оп. 1, д. 143, л. 11. 1919. Счет от А. Гламазда за поездки.